

РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА РСФСР ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ 1919 ГОДА В ГЕНЕЗИСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

GUIDELINES OF THE RSFSR ON CRIMINAL LAW OF 1919 IN THE GENESIS DOMESTIC CRIMINAL LEGAL THOUGHT

Бойко А.И.

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления
ФГБОУ ВО «РАНХиГС»
(г. Ростов-на-Дону)*

Boyko A. I.,

*doctor of law, Professor, head of the Department
criminal law disciplines South Russian Institute of man-
agement
of the «President Academy»*

*Вы мало думаете об истории,
а грифель её и на вас поднят
(П.А. Вяземский)*

(Russia, Rostov-na-Donu)

Ключевые слова: история, опыт, прошлое, равенство, революция, уголовное право..

Аннотация: Статья посвящена анализу места Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года в отраслевой доктрине, отражению в данном памятнике права достижений царской эпохи и его сличению с действующим Уголовным кодексом РФ.

Keywords: history, experience, past, equality, revolution, criminal law.

The summary: The article analyzes the place of «Guiding began in the criminal law of the RSFSR» in the industry doctrine, reflected in this monument rights achievements of the Imperial era and its comparison with the existing Criminal code.

Нашу Родину в злую шутку, но по справедливости именуют страной без прошлого или с неизвестным прошлым в силу нашей национальной привычки постоянно менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, попутно искажая либо даже хуля предыдущую эпоху. Во времена реформ неумеренность становится нормой. Блестяще подметил этот процесс И. А. Бунин в «Окаянных днях»:

«Как они одинаковы все эти революции!., создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров и вообще всяческих властей стало несметно., образовался совсем новый, особый язык, сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью... Всё это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций –

бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна»¹.

Но русичи не только любят революционные качели, они отрекаются от жизненного уклада предыдущих поколений и как туземцы отсталых регионов планеты копируют социальную инженерию исключительно Запада. Поклоняясь монументу Свободы в Гудзоновом заливе, они как бы не ведают, что около дагестанского города Избербаш природа соорудила тысячетонный профиль Пушкина, который почему-то смотрит на восток, что ещё в античную эпоху Диоген предупреждал женщину, распростершуюся на земле перед священной статуей, словами: «Женщина, Бог вездесущ, ты не боишься, что Он зайдет сзади?».

Конечно, иностранные находки и достижения в области юриспруденции России можно заимствовать. Иногда даже нужно. Полезно лишь помнить, что мы отстаём от европейского экспресса в области социальной инженерии примерно на век, а по технологиям и экономике ещё больше. Зная ошибки предшественников по эволюции, избегай их и воспринимай только то, что лучше, чем у тебя, и что подходит тебе! Ан, нет; берём на вооружение только худшее. И для сферы борьбы с преступностью тоже. Кто не верит, тому стоит прочесть великолепную лекцию недавно почившего Ю. М. Лужкова, изданную отдельной книгой 20 лет назад².

Вывод очевиден: лучше обустроить внутреннюю жизнь государства на базе предшествующего национального опыта, а духовные займы за границей следует приравнивать к отечественной ментальности, к нашей этнической гидропонике. В противном случае вновь явится на российские просторы революционная буза, а наши заклятые партнёры вполне резонно будут относиться к нам, как к «Иванам, не помнящим родства», уверенно отбиваясь от наших обвинений в подкормке «пятой колонны» и т.д.

Вместе с тем, несмотря на приведённые выше соображения, жизнь показывает, что прошлое в снятом виде пробивается в будущее, несмотря на неэволюционные зигзаги. Новый правящий класс в новых социально-экономических координатах принуждён ча-

стично использовать управленческие технологии прежнего режима хотя бы по той причине, что в социуме и после резких перемен продолжают существовать обыватели или инерционные жители, нуждающиеся в сохранении привычных порядков.

Вот и Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (далее в тексте – Руководящие начала) образовались не на пустом месте. *Во-первых*, 22 марта 1903 года Николай II подписал Уголовное уложение, признанное самым совершенным законом по борьбе с преступностью континента на рубеже веков. *Во-вторых*, европейская и русская интеллигенция того времени «заболели» социалистической идеей, которая воспринималась как восходящая теория, не загаженная политическими репрессиями и буйством ортодоксов. Хотя во Введении Руководящих начал и утверждается, что сей акт есть обобщение 2-х летнего практического опыта уголовной юстиции, это верно лишь частично, ибо политические и идеологические основы борьбы с преступностью в посткапиталистическом обществе были заложены ещё в XIX веке марксизмом, а для государства диктатуры пролетариата уточнены В. И. Лениным³. Посему обратимся к специализированному сборнику начала XX века, авторы которого (практически все виднейшие криминалисты Европы) искали связь социально-экономического строя и преступности и прогнозировали если не уничтожение, то резкое снижение делинквентного поведения с упразднением эксплуатации и частной собственности хотя бы на средства производства⁴.

В предисловии редактор пишет о классовый ангажированности уголовного права своей эпохи, о том, что «одни и те же интересы защищаются уголовными законодательствами не одинаково, но смотря по общественному положению потерпевшего»; что «некоторые интересы защищаются наказаниями, если они принадлежат одним классам, и остаются без всякой защиты, если их обладателем является другой класс» (с. I). И ещё одно важное обстоятельство: при капитализме

³ Ленин В. И. Конспект раздела о наказаниях пункта Программы партии о суде // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 408.

⁴ Уголовное право и социализм: сборник статей / перевод, под ред. и с предисл. М. Н. Гернета. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908.

¹ Цит. по: Горбаневский М. В. В начале было слово... М.: УДН, 1991. С. 52.

² Лужков Ю. М. Российские «законы Паркинсона». М.: Вагриус, 1999.

«класс бедных является почти исключительным поставщиком преступлений», что выглядит его «ненавистой привилегией». На этой основе в науке уголовного права существенное развитие и признание получило социалистическое направление, «насчитывающее в своих рядах, несмотря на ещё короткое существование, многих сторонников во всех государствах» (с. II).

Француз П. Лафарг утверждал, что «значительное большинство преступлений и проступков зарождается под давлением экономических условий, которые и определяют изменения рода и числа преступлений» (с. 7), но представители отраслевой теории этого как бы не видят и не признают – «по невежеству или из боязни разойтись с официальными взглядами» (с. 38). Голландец Бонгер резко критикует уголовную ответственность за нищенство и бродяжничество, ибо «первая причина» этого негативного социального явления «заключается в том, что в капиталистическом строе всегда существуют рабочие, которые не в состоянии продать свою рабочую силу» (с. 57), отчего они скитаются и выпрашивают подавание, и эта пагуба усиливается зимой (сезонные колебания экономики). Безнравственно попрекать несчастных в праздности, ибо «скитание по большим дорогам зимой не доставляет никакого удовольствия» (с. 59), плюс «справедливость требует, чтобы осуждению подвергались все лентяи вообще, а не только бедные» (с. 74).

Итальянский профессор Колоянни опровергает распространяемое властями европейских государств мнение, будто возрастание преступности порождено Интернационалом, анархизмом и социалистической пропагандой (с. 182). Применяв необычную методику, автор доказывает отсутствие корреляции между идеологией и делинквентным поведением масс (с. 202). Его «земляк» Энрико Ферри признаёт полезность социалистической доктрины для анализа преступности как социальной патологии, но критически относится к постулату новой теории, буквально захватившей континент, будто «с устранением нищеты иссякнет одновременно и источник всякой преступности» (с. 205), так как нищета не является «единственной причиной преступлений» (с. 207).

Наконец, англичанин Бельфор Бакс жёстко увязывает преступность с частной собственностью и даже предлагает классифицировать криминальные деликты на 1) личные или вытекающие из «самой человеческой природы» и 2) «социальные», вытекающие «из стремления к выгоде или к владению» (с. 216). Отсюда логична его надежда на то, что «изме-

нение экономических условий (при социализме – А.Б.) будет иметь своим непосредственным результатом исчезновение преступлений, тесно связанных с собственностью» (с. 217-218). Пока же они заслуживают «наибольшего снисхождения» (с. 221), поскольку совершаются эти деяния не из-за нравственной испорченности их авторов, а в силу «отсутствия обеспеченных средств существования» (с. 225). Заключительные же мысли Бакса таковы: «Если ... в одном классе преступления совершаются лишь по исключению, а в другом зауряд, несмотря на то, что оба класса живут бок-о-бок и дышат одной и той же нравственной атмосферой христианской цивилизации..., отличаясь друг от друга лишь своим материальным положением и непосредственно вытекающими из этого положения последствиями, – то можно ли иметь другое более наглядное доказательство тесной зависимости, которая существует между преступлением и экономическими условиями жизни?» (с. 225-226).

Теперь обратимся к содержанию векового «юбиляра»¹, который состоит из 8 разделов и 27 статей, выглядит как рамочный закон по борьбе с преступностью, как квази-Общая часть (прежнего) уголовного уложения или (будущего) Уголовного кодекса. Самыми крупными подвижками данного нормативного акта, покоящимися на достижениях царского периода и социалистической теории, на наш взгляд, являются следующие положения.

1. В Руководящих началах впервые сформулировано формально-материальное понимание преступления, что легко объяснимо: если новая власть выражает интересы большинства населения, ей нечего стесняться и утаивать ту истину, что преступление – не столько государством запрещенное поведение, но прежде всего деяние, разрушающее господствующую систему общественных отношений (раздел I и ст. ст. 5-7 III раздела).

2. В оцениваемом акте в соответствии с доктриной марксизма откровенно провозглашается классовый подход для сферы борьбы с преступностью, что можно объяснить и начавшейся гражданской войной, но что нельзя оправдать в рамках классического уголовного права (Введение, статьи 9-10, 12).

¹ Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 28.12.1919. № 66. Ст. 590.

3. В Руководящих началах закреплён прекраснотезис о том, что со временем, в том числе благодаря применению уголовно-правовых норм, отпадёт необходимость в существовании государства и права («только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства» – Введение).

4. Объявление тезиса о социальной детерминированности преступного поведения закономерным образом обеспечили гуманную трактовку наказания (ст. 19) и закрепление задачи индивидуализации наказания как пролога принципа справедливости уголовной ответственности (ст. ст. 11 и 25).

5. Защиту устанавливаемого общественного порядка от преступных посягательств Советская власть увязывала, помимо прочего, и с «приспособлением» виновного к новым порядкам, что есть прообраз ранее не известной уголовному праву цели исправления. Естественен вопрос: почему именно пролетарское государство учредило педагогическую задачу? В нашем понимании логика таковой подвижки очевидна: в результате экспроприаций и обобществлений гегемону был переданы в собственность средства производства, природные ресурсы, накопленные трудом предыдущих поколений материальные богатства и интеллектуальный багаж. На этой основе новый правящий режим рассчитывал, что ставшая всесильным классом прежняя голытьба будет вести себя прилично или законопослушно, ибо это в её интересах. Ан, нет. Как действовать по отношению к новому хозяину страны – не изолировать же и не уничтожать его физически (ст. 10)? Вот разработчики Руководящих начал и решили использовать уголовную репрессию для класса-победителя в качестве средства мягкой социализации.

6. Обычно отчаянно критикуемый в отечественной науке (особенно в 90-е годы прошлого века) отказ Советской республики от уголовного законодательства царизма со ссылками на его неестественность в условиях совершенно нового социально-экономического и политического уклада («Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть», должен был сломать «все буржуазное право как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков)» – Введение) не стыкуется с абсолютно

идентичной логикой нынешней власти, выраженной в пояснительной записке к единственному официальному проекту УК РФ 1994 года.

Последнее соображение должно послужить мостиком для сравнения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации с Руководящими началами – для проверки генеалогии уголовно-правовой мысли и выявления опасностей, порождённых очередным революционным романтизмом. А таковые имеются:

а) криминальная приватизация породила громадное имущественное расслоение российского общества, что создало почву для рецидива вроде бы отброшенного цивилизацией на свалку истории кастового подхода – системы предпочтений в пользу нового политически и экономически господствующего класса. Это выражается в многочисленных послаблениях материально-правового и процессуального порядка для класса собственников, совершающих экономические преступления. Произошло то, что профессор Н. Ф. Кузнецова назвала «реваншем» крупной «олигархической» (читай «криминальной») буржуазии» у плебса за 1917 год¹, поскольку «именно интересы этого класса были пролоббированы в декабрьской реформе УК», а «проолигархическую» нацеленность вне сомнений имело исключение в ФЗ от 8 декабря 2003 г. из видов наказаний конфискации имущества»;

б) перехлест с упоением новыми привозными идеологемами Запада (пропаганда только прав и свобод при умолчании обязанностей, заявление приоритета частного интереса над коммунальными потребностями) означает не только внедрение протестантского эгоизма или идеологии меньшинства, но и надругательство над исконно коммунальной нравственностью россиян, что резко снизило саморегуляцию и защитные механизмы социума;

в) как и «просвещённый» Запад Россия в действующем Уголовном кодексе демонстрирует повышенную заботу о преступнике (что в плане гуманизации наказания и улучшения условий его отбывания по мере повышения стандартов жизни общества не порицаемо), но

¹ Кузнецова Н. Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество // История развития уголовного права и её значение для современности: материалы V Международной научно-практической конференции (26-27 мая 2005 г.). М.: ЛексЭст, 2006. С. 255, 256, 258, 268.

должного внимания к законопослушным потерпевшим или «Золушкам уголовного правосудия» не проявляет¹;

г) однако последствия революционного экстаза 80-90-х годов прошлого века, нашедшие отражение в уставном и отраслевом законодательстве, значительно шире. *Во-первых*, под флагом личностного подхода и гуманизма односторонне возвеличена идея субъективного вменения и предано анафеме т.н. объективное вменение (ст. 5 УК РФ), что создало нормативную основу для преследования инакомыслия или уголовной ответственности за одни мысли и намерения, т.е. без внешнего поведения граждан. *Во-вторых*, звонкие речи о правах и свободах человека и гражданина не подкрепляются уровнем их защиты в специализированной главе 19 Кодекса. *В-третьих*, вопреки торжественно провозглашённому приоритету личного интереса над общественным и государственным уголовная ответственность за бюджетные преступления введена только в 2003 году и по своему размеру значительно уступает наказуемости налоговым деликтам.

Имущественное расслоение провоцирует не только отступление от принципа формального (юридического) равенства, который более 200 лет составляет достояние человечества, но и влечёт другие опасные трансформации в законодательстве и управлении: суды и судьи перестали быть «народными»; милиция или «народное ополчение» показательно переименована в «полицию»; соотношение численности вооружённых сил и военизированных подразделений, направленных на обеспечение

«внутренней» безопасности, изменилось по сравнению с советским периодом строго наоборот.

Параллельно и попутно множатся случаи показательной демонстрации материальных богатств и не вызываемого какими-либо здоровыми причинами правонарушительного поведения в исполнении т.н. «золотой молодежи», а также оскорбительных высказываний о нижних слоях общества со стороны территориальных чиновников. Опасные тенденции, которые в мировой истории играют роль фитиля на базе социальной несправедливости. Имущественное неравенство и порождаемая им социальная несправедливость понуждает власти и отчасти социальную науку прибегать к политико-юридическим эвфемизмам – особым синонимам, которые и в хорошо устроенном обществе культивируются исключительно по нравственным расчётам, как более щадящие слова для обозначения социальных неловкостей. Ныне же наметилась тенденция использовать специально изобретаемую терминологию как дымовую завесу для прикрытия социальных неприглядностей, которые нервируют большинство или неимущую часть общества. Вот и пошло-поехало: «страты» вместо «классов»; «государственная измена» вместо «измены Родине»; «коллекторы» вместо «вышибал»; оборот товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК), а равно обращение фальсифицированных лекарственных средств (ст. 239) вместо продовольственного и лекарственного «геноцида» населения в исполнении отечественного бизнеса; «минимизация налогообложения» вместо преступного неисполнения конституционной обязанности; «нецелевое расходование средств» (ст. ст. 285¹ и 285²) вместо банального казнокрадства. *Итожим*: обращение по юбилейному поводу к первому нормативному акту по борьбе с преступностью Советской власти показывает, что в нём: а) грубым и непригодным для классического уголовного права образом выражались интересы большинства населения; б) введены материальное понимание преступления и (в зачаточном виде) воспитательная цель наказания; в) сохранены выработанные в период царской империи: понимание охранительного предназначения уголовного права; особый режим ответственности несовершеннолетних; принцип индивидуализации наказания; нормы о невменяемости и исключительных состояниях, оправдывающих причинение вреда; виды соучастников; условное осуждение и территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Учитывая важ-

¹ См. наши публикации на сей счёт: Пределы терпения потерпевшего от преступления и презумпция его правоты // Юридический вестник РГЭУ. 2003. № 1 (25). С. 44-50; Потерпевший от преступления // Законодательство. 2003. № 11. С. 57-67; Потерпевший от преступления в международном и национальном законодательстве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III Международной научно-практической конференции. М.: «ЛексЭст», 2004. С. 379-394; О золушке уголовного правосудия замолвите слово... // Южнороссийский адвокат. № 04 (15). Август-октябрь 2005. С. I-IX; Битый небитого везёт? // Судья. 2017. № 11. С. 23-29; а также: Абдрасулова К. Р., Алауханов Е. О., Бойко А. И. Защита потерпевших от преступлений: государственная забота и благоразумие потенциальных жертв: научно-практическое пособие. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013.

ную роль для сохранения гражданского мира справедливых правил распределения природных богатств и произведённого населением валового продукта, можно уверенно прогнозировать,

что упразднение социалистического строя не ликвидировало идею равенства, особо болезненно проявляющую себя в такой чувствительной, человековредительской отрасли юриспруденции, как уголовное право¹.

Список цитируемой литературы:

1. Абдрасулова К. Р., Алауханов Е. О., Бойко А. И. Защита потерпевших от преступлений: государственная забота и благоразумие потенциальных жертв: научно-практическое пособие. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 232 с.
2. Бойко А. И. Потерпевший от преступления // Законодательство. 2003. № 11. С. 57-67.
3. Бойко А. И. Потерпевший от преступления в международном и национальном законодательстве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III Международной научно-практической конференции. М.: «ЛексЭст», 2004. С. 379-394.
4. Бойко А. И. Пределы терпения потерпевшего от преступления и презумпция его правоты // Юридический вестник РГЭУ. 2003. № 1 (25). С. 44-50.
5. Бойко А. И. Битый небитого везёт? // Судья. 2017. № 11. С. 23-29.
6. Бойко А. И. О золушке уголовного правосудия замолвите слово... // Южнороссийский адвокат. № 04 (15). Август-октябрь 2005. С. I-IX.
7. Голик Ю. В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб. Юридический центр-Пресс, 2007. 66 с.
8. Горбаневский М. В. В начале было слово... М.: УДН, 1991.
9. Кузнецова Н. Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество // История развития уголовного права и её значение для современности: материалы V Международной научно-практической конференции (26-27 мая 2005 г.). М.: ЛексЭст, 2006.
10. Ленин В.И. Конспект раздела о наказаниях пункта Программы партии о суде // Полн. собр. соч. Т. 38.

The list of the quoted literature:

1. Abdrasulova K.R., Alaukhanov E.O., Boyko A.I. Protection of victims from crimes: state care and prudence of potential victims: a Scientific and practical guide. Rostov n/D: Izd-vo of Rankhigs URIF, 2013. 232 p.
2. Boyko A.I. Victim of crime // Legislation. 2003. № 11. Pp. 57-67.
3. Boyko A.I. Victim of crime in international and national legislation // International and national criminal legislation: problems of legal technique. Proceedings of the III International scientific and practical conference. – Moscow: "Lexest", 2004. Pp. 379-394.
4. Boyko A.I. The limits of patience of the victim of the crime and the presumption of his rightness // Legal Bulletin of the Russian state University. 2003. № 1 (25). Pp. 44-50..
5. Boyko A.I. Broken unbroken lucky? // Judge. 2017. № 11. Pp. 23-29.
6. Boyko A.I. Put in a word about the Cinderella of criminal justice... // South Russian lawyer. № 04 (15). August-October 2005. S. I-IX.
7. Golik Yu.V. the socialist idea and the need to reflect it in criminal law and in criminal law. SPb.: Law center Press, 2007. 66 p.
8. Gorbanevskiy M.V. In the beginning was the word... Moscow: UDN, 1991..
9. Kuznetsova N.F. Science of Russian criminal law and lawmaking // History of criminal law and its significance for the present: Proceedings of the V International scientific and practical conference 26-27 may 2005. Moscow: Leksest, 2006
10. Lenin V.I. Synopsis of the section on punishments of the party Program item on the court // Full. Coll. Op., vol. 38.

¹ Голик Ю. В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб. Юридический центр-Пресс, 2007.